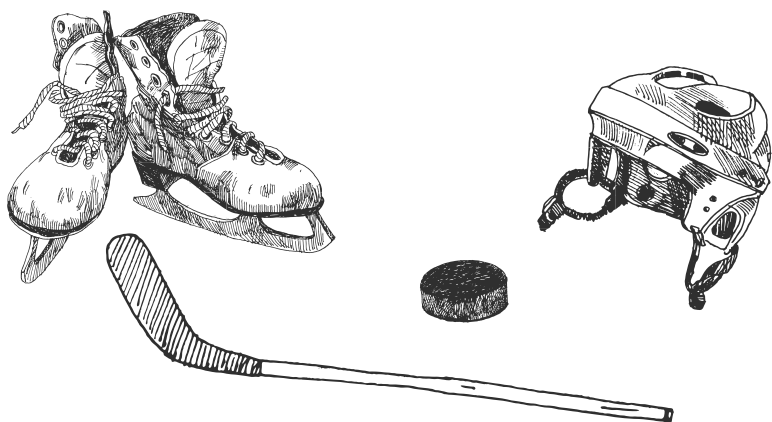

Посвящается тем,
кто нуждается в комфорте и заботе

Пролог

Люсьен

Мне было пять, когда я сказал родителям, что хочу летать. Они, как я позже узнал, были готовы на все, в пределах разумного, чтобы осчастливить меня. Приняв мою просьбу за чистую монету, они организовали короткий полет на самолете.

— Ну? — спросил папа, как только мы сели на заднее сиденье громкого, вибрирующего гиганта. — Каково это — летать?

Это милый жест и все такое, но я просто сидел. Ведь летел самолет, а не я. Родители пришли в недоумение и бросили это дело. Но не я. Я жаждал летать. В глубине моей души жила жажда полетов, хоть я и не понимал почему. Проблема состояла в том, что мне было невдомек, как же достичь этой цели.

Через два года отец по собственной прихоти записал меня на уроки хоккея. Я зашнуровал коньки и научился. Стал сильнее, лучше, быстрее.

Тогда-то до меня и дошло. Я не мог летать по воздуху, но мог по льду.

Лед.

Я любил лед. Для меня он оказался подобен богине: жестокой, холодной, прекрасной, безжалостной и совершенно необходимой. Я хорошо знал ее — этот аромат свежести, беспощадную стужу, звуки, которые она издавала, и плавную поддержку, что она оказывала мне, пока я скользил по ее телу.

Я полюбил ее с первого катания. Она освободила меня, дала цель.

Скользя по льду, я летал. Это не было похоже на свободный полет по воздуху, скорее на гонку, но плавную и такую быструю, что я уже не чувствовал себя обычным человеком. Я был чем-то иным. Богом.

Я так сильно любил летать по льду, что вполне мог бы выбрать иной путь: стать конькобежцем, например. И порой, в выходные, я приходил и просто катался, все быстрее и быстрее.

Однако простое катание не было тем вызовом, в котором я нуждался. Зато хоккей был.

Боже, я обожал хоккей. Каждую его чертову деталь. Стук клюшки о лед, вибрацию от удара о шайбу. Игра говорила со мной, нашептывала мне на ухо, даже когда я спал. Тело гудело, будто я все еще на льду.

Я видел закономерности, схемы. Воплощал их в реальность. Если катание — полет, то хоккей —

танец. У меня было пятеро партнеров, и, когда мы работали все вместе, это походило на чертову поэзию. Истинная красота.

Не существовало вещи лучше, чем пустить шайбу в полет по льду, пробраться сквозь толпу, а затем коротким движением отправить малышку в сетку. Мгновенный экстаз. Каждую. Игру.

Хоккей определил меня. Центровой¹. Капитан. Двукратный обладатель Кубка Стэнли². Первые — в качестве одного из самых молодых капитанов, чье имя выгравировали на гигантском чудовищно-прекрасном кубке. Затем — лауреат премии Колдера³, обладатель Арт Росс Трофи...⁴ Я могу продолжать бесконечно.

Смысл в том, что хоккей был моей жизнью.

И жизнь эта была чертовски хороша. Моя команда работала как отлично смазанный механизм — ни одного никчемного придурка, который тащил бы всех на дно. Мы вышли в плей-офф, снова боролись за кубок. Он должен был достаться нам.

Ребята это знали. Что-то витало в воздухе — потрескивание электричества, которое щекотало кожу, проникало в суставы и заставляло их дергаться. Мы чувствовали это прежде. И побеждали.

¹ Центровой — позиция нападающего игрока, основная зона которого — это середина льда, вдали от бортов.

² Кубок Стэнли — хоккейный приз, ежегодно вручаемый победителю плей-офф Национальной хоккейной лиги.

³ Колдер Трофи — награда, ежегодно вручаемая игроку, наиболее ярко проявившему себя среди тех, кто проводит первый полный сезон в составе клуба Национальной хоккейной лиги.

⁴ Арт Росс Трофи — приз, ежегодно вручаемый хоккеисту, набравшему наибольшее количество очков по системе «гол+пас» в регулярном чемпионате НХЛ.

Пока мы надевали снаряжение, Бромми особенно веселился. Его ручища шлепнулась мне на голову и энергично взъерошила волосы.

— Ну и кочан ты себе отрастил, Оззи. Приодеть бы его, как считаешь?

Раньше все звали меня Оззи, из-за моей фамилии — Озмонд. Затем сократили до Оза, отсылка к «Волшебнику страны Оз». Мол, когда я завладевал шайбой, случилось волшебство.

Я проигнорировал вспышку белого света, которая мелькнула в глазах, и то, как грубое обхождение Бромми с моей головой заставило комнату кружиться — всего на секунду, — а после шлепнул его в ответ.

— Не все из нас следят за стилем, Златовласка. Хотя тебе требуется вся бьюти-помощь, которую ты сможешь найти.

Парни хохотнули. Бромми широко улыбнулся, демонстрируя отсутствие правого бокового резца. Если бы мне выбили зуб, я бы пошел к врачу и вставил новый, но Бромми нравилось этим хвастаться. Наш левый защитник считал, что это делает его более устрашающим.

Он также любил рассказывать женщинам, что словил малышку в сетку. Дурная идиома, заставлявшая его смеяться каждый раз. Женщины на эту глупость велись, так что я не спорил с его методами.

— Не можем же мы все быть такими красавчиками, как ты, кэп. — Он потянулся к медали Святого Себастьяна, которую носил на шее, дважды чмокнул ее, а затем снова спрятал под одежду. За этот ритуал я его не винил, поскольку сам проде-

львал нечто подобное — обматывал клюшки. Все так поступали, и... в общем, я не позволял никому притрагиваться к ним перед игрой. Ни за что.

— Да ладно тебе. Линц тоже красавчик.

Но мы почему-то звали его Уродцем. Поди пойми.

— У Линца нет роскошной девчонки, которая пообещала бы любить его вечно. — Бромми, улыбаясь, толкнул меня локтем.

Я сам едва подавил улыбку.

— Что правда, то правда.

Кассандра, моя невеста, действительно выглядела роскошно. Она любила хоккей, ей нравилось все, что нравилось мне. Мы никогда не ссорились. С ней было легко. Кассандра заботилась обо всем, так что мне не приходилось думать ни о чем, кроме игры. И я это ценил.

Женитьба в мои планы не входила. Но Кассандра была совсем нетребовательной, такой простой, так что, когда она вдруг спросила, собираемся ли мы сделать следующий шаг, я подумал: «Почему бы нет?» Вряд ли я бы нашел кого-то, с кем мог бы также легко общаться, как с ней. Кассандра стала вишенкой на верхушке моей сладкой жизни.

Парни продолжали обмениваться оскорблениями. Я клеивал клюшки вместе с Йоргеном, слушая предыгровую версию «Under Pressure»¹ в исполнении Марио, и держался подальше от нашего вратаря Хэпа. Свяжешься с ним перед игрой — и считай, что можешь копать себе могилу.

¹ «Under Pressure» (с *англ.* — «Под давлением») — совместная песня группы Queen и Дэвида Боуи.

Морально я был готов. Мои физические навыки были отточены до совершенства. Однако откуда-то с задворок сознания доносился новый шепоток, едва узнаваемый отголосок, который мне не хотелось слышать. Я игнорировал этот надоедливый голос с момента последнего сотрясения мозга. Он очень напоминал голос моего врача. Я ненавидел этого парня.

Знаю, ненавидеть людей, которые хотят помочь тебе, неправильно. Но я ненавидел. Ведь что ему вообще могло быть известно? Я знал свое тело лучше кого бы то ни было. Моя жизнь была идеальной. Никто и ничто не могло этого изменить.

Поэтому я затолкал этот жуткий коварный голосок обратно во тьму, из которой он явился.

Мне всегда хорошо удавалось избавляться от вещей, которые не имели значения. *Сосредоточься на призе. Сконцентрируйся на игре. Держи тело в тонусе, а разум — чистым.*

Я проделывал этот фокус, когда начиналась игра. Проделывал каждый раз.

Так продолжалось до тех пор, пока я снова не услышал этот проклятый голос: я был в атаке, и шайба застряла в борту. Впервые в своей жизни мне пришлось испытать настоящий страх. Он ослепил меня. По коже пронеслась волна гиперовосприятости. Краткий миг. Буквально две секунды, разделившие мою жизнь на «до» и «после».

Я слышал, что в худшие моменты время замедляется. Но со мной так не было.

В один момент я боролся за шайбу, упирался плечом в бортик, чтобы защититься. А в следующий... Удар заставил меня закружиться. Второй

удар — двухметровый, стокилограммовый защитник, несшийся на полной скорости, — сбил меня, будто товарный поезд.

Голова впечаталась в стекло, а затем в ней будто взорвалась бомба. И следом раздался злощастный шепот, транслировавший лишь одну фразу:

Игра окончена.

Гасите свет.

Эмма

Жизнь была хороша. Так вообще можно говорить? Порой мне казалось, что нет. Будто признавая, что я счастлива и все желаемое постепенно плывет мне в руки, я могла сглазить. Но, черт подери, жизнь действительно была хороша.

После многих лет борьбы за то, чтобы стать актрисой — боже, от отчаяния мне пришлось взять роль в рекламе и сыграть девушку с диареей; попробуйте упомянуть об этом в беседе на свидании и посмотрите, что из этого получится, — я наконец-то получила главную роль в популярном телесериале. «Темный замок». Фанаты сходили по нему с ума. И с этой ролью пришла мгновенная слава.

С какой теплотой я вспоминала первую встречу каста. Большинство из нас были новенькими лицами в индустрии, по сути — никем, но мы все жаждали оказаться там. Наш режиссер,

Джесс, осмотрелась, и в ее серьезном взгляде что-то мелькнуло — не хочу называть это гордостью, ведь она нас тогда вообще не знала, но, может, теплота и понимание. И она предупредила нас:

— Прежде чем мы начнем снимать, отдохните как следует. Делайте все, что нравится. Потому что после того, как мы запустим шоу, ваша жизнь уже не будет прежней. Приватность станет пережитком прошлого. Каждый раз, когда вы появитесь на публике, кто-то вас заметит.

Мой коллега, Мейсон Сэйнт, хмыкнул:

— Как же хорошо, что я отшельник.

Этот мужчина выглядел шикарно в некоем варварском смысле этого слова — вероятно, поэтому его и взяли на роль короля-воителя Арасмуса, — однако отстраненная холодность в его взгляде заставила меня поверить ему.

А потом он влюбился. И великий зануда Мейсон Сэйнт преобразился. Принялся постоянно смеяться и улыбаться всем, будто не мог сдержать своего счастья. Это одновременно умиляло и раздражало.

Раздражало потому, что я понятия не имела, каково иметь головокружительные отношения а-ля «Мой партнер делает для меня все, и это просто потрясающе». Я хотела знать, уж поверьте, очень хотела. Но подобное от меня, увы, ускользало.

Джесс оказалась права: наша жизнь изменилась молниеносно. Уединения почти не осталось, но с капелькой удачи и с помощью планирования все же удавалось его достичь. Я все еще выходила

погулять время от времени, но никакой гарантии, что меня оставят в покое и не сделают снимка, не было.

С другой стороны, фанаты меня обожали, а милые детишки часто просили сфотографироваться со мной. Это казалось немного странным, учитывая содержание «Темного замка», но я думаю, что их больше интересовала моя роль принцессы Анны, чем сцены секса и обезглавливания.

Не такими уж милыми оказались чудаки, которые любили проводить время, стоя слишком близко ко мне и прося сделать фото. Я научилась сначала класть руку им на плечо, чтобы немного отодвинуть от себя и предотвратить «случайную» попытку облапать.

Жизнь изменилась во многом. Я встретила Грега, супергорячего, приятного в общении футболиста, который меня обожал. Его слова, не мои. Грег поддерживал меня и никогда не жаловался на мой загруженный график. У него он был не лучше, в течение игрового сезона он частенько бывал в разъездах. Но мы справлялись.

К концу третьего сезона «Темного замка» я чувствовала себя комфортно и уверенно в своей роли. Принцесса Аня стала невероятно популярной. Фанаты спрашивали меня и Сэйнта о том, когда наши персонажи, Арасмус и Аня, поженятся. Мы надеялись, что сможем дать ответ в финале сезона. Шансы были высоки. Герои достигли цитадели, и Арасмус наконец сделал Ане предложение руки и сердца.

Ей оставалось лишь принять его, а затем состоялась бы свадьба. Но продюсеры и сценаристы